

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-5-194-226

УДК 81-11

**ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ
И ПРАВИЛ «ФЕМИННОСТИ» И «МАСКУЛИННОСТИ»
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

Ненашева Ю.А., Седярова О.М., Соловьева Н.С.

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях современной мировой мобильности теме отражения социальных ожиданий и правил «феминности/маскулинности» в англоязычной подростковой литературе. Предметом анализа выступают тексты художественных произведений на английском и русском языках, составляющие параллельные корпусы исследования. Авторы ставят целью раскрыть специфику языковых способов отражения социальных ожиданий и правил «феминности/маскулинности» в английском и русском языках на материале параллельных текстов.*

***Методология проведения работы.** В основе методологии исследования лежит когнитивно-дискурсивный подход к исследованию параллельных корпусов художественных текстов с использованием корпусного анализа и последующего сравнительного анализа параллельных текстов.*

***Результаты.** Изучение художественного текста одновременно как культурного артефакта и частного случая дискурса, дидактический характер которого исследования определяет его роль в формировании и репродукции, закреплении и передаче социальных установок и правил как культурного опыта, позволяет выявить специфику языкового выражения социальных правил и ожиданий, применяемых к гендерному взаимодействию. Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить различия способов отражения этих установок, выражающиеся в специфике тезаурусного окружения и комбинаторики языковых единиц, обозначающих участников гендерных отношений.*

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в обучении иностранному языку, формировании социокультурной компетенции лиц, изучающих английский как иностранный язык.

Ключевые слова: литература «young adult»; гендер; когнитивная деятельность; дискурс; художественный текст; социальные ожидания и установки; тезаурус; комбинаторика.

SOCIAL RULES AND EXPECTATIONS FOR FEMININITY/MASCULINITY AS REPRESENTED IN YOUNG ADULT LITERATURE (ON PARALLEL CORPORA TEXT ANALYSIS)

Nenasheva I.A., Sedliarova O.M., Solovyeva N.S.

Purpose. The paper is given to the topic of the social rules and expectations as reflected in the young adult literature, which is among the prior interests due to contemporary world population mobility. The subject for analysis is represented by fiction texts, which compose the parallel corpora, in English and Russian. The authors aim at describing specific language means used to display social rules and expectations in the fiction parallel texts in the English and Russian languages.

Methodology. The methodology of the research is based on the interdisciplinary approach to studying social interactions that includes cognitive and discourse analysis. This embraces the corpus and comparative analyses of parallel English as well as Russian fiction texts.

Results. Considering fiction texts simultaneously as cultural artefacts and discourse cases, their didactic nature signifying its part in forming, reproducing and codifying social expectancies and rules as mutual experience, gives the researcher an opportunity to identify specific linguistic units and features that express expectancies and rules of gender interaction. Corpora and comparative analyses help to identify differences of English and Russian linguistic means that are used to denote participants of gender interaction. The abovementioned differenc-

es include linguistic and discourse features influenced by the cognitive mechanisms. They are as follows: thesaurus environment, semantic similarity and collocation capacity of units.

Practical application. *The results of the research can be used in L2 teaching to promote sociocultural competence.*

Keywords: *young adult literature; gender; cognition; discourse; fiction, social expectations and rules; thesaurus; collocation.*

Введение

Тема социальных ожиданий и правил гендерного (как одного из основных типов) социального взаимодействия получает особую актуальность в современном обществе, где существует необходимость определения содержания категорий «женственности/мужественности» или «феминности/ маскулинности», о правилах гендерного взаимодействия и социальных ожиданиях к представителям того или иного гендера. Художественная литература является одним из средств кодификации и передачи обобщенного социального опыта, касающегося не только носителей языка, на котором написан текст, но и любых иных реципиентов текста в его оригинальном виде и переводе. Представляется, что изучение художественной литературы, предназначенной для социальной группы, обозначаемой в англоязычной терминологии «young adult», является информативным для определения гендерных установок, ожиданий и правил, транслируемых данным источником.

В качестве основного определения гендера мы придерживаемся дефиниции, предложенной А.В. Кирилиной [13; 14]. Правомерность изучения языковых средств, используемых для репрезентации социальных норм и ожиданий, подкрепляется утверждаемой в определении социальной природой гендера, понимаемого как «совокупность социальных и культурных норм», конструируемого в качестве модели и отражающего культурные оценки и ожидания» [61; 34; 20]. Гендерные роли в семье определяются как набор общественно одобряемых представлений о мужественности и женственности, обуславливающих поведение участников гендерных взаимоотношений, образцов поведения, в том числе, общественные и культурные ожидания, касающиеся их коммуникативного поведе-

ния супругов, и способы, которыми эти ожидания реализуются при актуальном коммуникативном семиотическом взаимодействии [15, с. 17; 22, с. 10; 9, с. 36]. Следовательно, «...гендерная система общества оказывает влияние на создание и интерпретацию литературных произведений» [6, с. 36], что дает возможность производить сравнительно-сопоставительные исследования параллельных текстов с использованием когнитивно-дискурсивного подхода.

Поскольку «художественная литература» понимается как «вид искусства, в котором слово является основным средством образного отражения жизни» [32, с. 213], материальным продуктом художественной литературы является текст, который играет огромную роль в хранении и передаче социально значимой информации, включающей в себя понятия и объекты окружающего мира, факты культуры, результат внутренней рефлексии автора текста и персонажа [26; 7]. Таким образом, текст сам становится культурным артефактом прескриптивно-дидактического характера, закрепляя в различные типы культурно-исторической информации, формируя и сохраняя традиции, служа средством передачи общественно закрепленного опыта духовной, эстетической, практической природы, обеспечивающего устойчивое развитие и сохранение социума. Язык – когнитивный продукт – используется в качестве «средства образного отражения жизни» и наряду с фактами объективного окружающего мира отражает субъективную эмоционально-образную информацию внутреннего плана – переживания и реакции автора и потребителей художественного текста [8; 23]. Согласно данным нейролингвистических и когнитивных исследований, именно этот компонент когниции способствует формированию более устойчивых навыков и знаний, активации психических процессов [5; 11; 1; 2]. Следовательно, исследование языковых средств, используемых для обозначения участников гендерного взаимодействия, его процессов и особенностей, невозможно без учета эмотивной нагрузки языковых единиц, определяющей особенности употребления данных единиц, их комбинаторности [8; 3; 23].

Несмотря на то, что художественный текст функционирует как отложенный процесс коммуникации между автором и реципиентом,

восприятие художественного текста остается коммуникативным актом, «развертывающимся во времени свободном потоке непрерывающейся коммуникативной активности человека», который можно рассматривать как бы по ходу его создания для выявления новых сведений о роли языка в жизнедеятельности человека [23, с. 121–122]. Это свидетельствует о необходимости более серьезного отношения к художественной литературе, целевой аудитории которой является социальная группа, определяемая как «young adult» в зарубежной традиции и «подросток» в отечественной, как к средству формирования, фиксации и передачи социального опыта. Необходимо также отметить, что термин «young adult» в настоящее время получил новое содержание. Словари английского языка дают следующую дефиницию представителя данной возрастной категории как «a person who is in his or her late teenage years or early twenties» [62] или «an age group including persons from about 12 years to about 18 years old: used as a reader category in libraries, book publishing, etc.» [64]. Современная психология иначе подходит к определению возрастных границ данной группы, устанавливая их в диапазоне от 19 до 45 лет, возраст от 12 до 18 лет рассматривается как adolescence [47; 52]. В приведенной таблице возрастных стадий человека указаны значимые социальные навыки, получаемые человеком в данном возрасте (Табл. 1). Обращает на себя внимание тот факт, что гендерные социальные взаимоотношения отмечены отдельно как значимые виды социального взаимодействия в обеих возрастных группах.

Таблица 1.

**Возрастные границы целевой аудитории литературы
«young adult» по Э. Эриксону**

Stage	Age (years)	Important Event	Summary
5. Adolescence	12 to 18	Peer relationships	The teenager must achieve a sense of identity in occupation, sex roles, politics, and religion.
6. Young Adulthood	19 to 40	Love relationships	The young adult must develop intimate relationships or suffer feelings of isolation.

Такое заметное расширение возрастных границ – это отражение реальных процессов, происходящих в обществе. Расширение возрастных границ приводит к увеличению количества допустимых жанров художественных текстов, предназначенных для данной группы [60; 46; 54; 65]. В то же время характеристики художественных текстов этого типа обусловлены спецификой социального и психофизиологического развития ее целевой аудитории [40; 51; 39; 55]. Поскольку главными особенностями социальной адаптации и развития членов этой группы является построение и закрепление социальных связей, а когнитивное развитие характеризуется появлением формально-операционального мышления, к специфике художественных текстов, предназначенных для социальной группы «young adult», следует отнести следующее:

1. Содержание. Популярность жанров фэнтези, фантастика может быть обусловлена отличием от классической литературы, которая имеет выраженный прескриптивный, воспитательный характер. Фантастика носит скрытый дидактический характер, что позволяет затронуть и обсудить такие темы как взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, поступки и их последствия, принятие себя и установление личных и личностных границ. Литература данного типа активно использует естественное стремление личности в процессе становления к самоидентификации, протагонизм, противопоставление как основной способ определения себя в окружающем мире, что находит свое определение как «подростковый дух бунтарства». Кроме того, развивающаяся личность нуждается в своего рода «подпорках» – ассоциации себя с персонажем, обнаружении своих переживаний и опыта в поведении персонажей. Результатом такого сочетания является специфический характер персонажей – сплав «особенных» и «усредненных» характеристик. Это делает персонажи динамичными, яркими, что позволяет им существовать вне континуума непосредственного художественного текста (феномен Гарри Поттера, существование фанфиков) и оставляет их близкими и понятными читателю, персонажи сохраняют способность быть соотносимыми с его собственным опытом и переживаниями.

Дополнительной особенностью современной литературы этого типа, по сравнению с более ранними произведениями, следует считать появление активных, энергичных героинь: женские ролевые модели современной литературы «young adult» отличаются от традиционной модели «damsel in distress». Также увеличилось количество авторов-женщин, что обуславливает необходимость изучения литературы в гендерном аспекте [37; 35; 31].

2. Форма. Чаще всего сюжетная линия включает жизнь персонажа в условиях пост апокалиптического общества, где герой повествования предстает символом и вдохновителем борьбы против системы угнетения, меняясь и приобретая новые качества с развитием сюжета. Современная литература данного типа представлена в большей части трилогиями, что соответствует традиционной схеме сюжета: экспозиция (пролог) – завязка – развитие действия – кульминация – развязка – постпозиция (эпилог). Это позволяет читателю видеть героя в динамике, сопоставлять формирование собственных личностных установок с установками персонажа художественного текста. Часто с историей главного героя сплетаются истории других, не менее ярких и динамичных, персонажей, что обеспечивает возможность интерактивности художественного текста, где каждому читателю найдется свой персонаж и своя история.

Можно сделать вывод, что использование художественных произведений, предназначенных для социальной группы «young adult», позволит выявить специфику отражения социальных ожиданий и правил «феминности» и «маскулинности». Сопоставительный анализ параллельных текстов окажется информативным для определения различий, обусловленных инокультурными условиями, выраженными при помощи языковых средств в художественном тексте.

Методика исследования

Методика проведенного исследования включает в себя комплексный анализ параллельных текстов. Будучи одновременно и языковым, и культурным продуктом, художественный текст одновременно отражает определенный этап развития языка и культуры

и становится «некой порождающей средой для появления и в языке, и в культуре их дальнейших преобразований» [23, с. 130–131]. Мы согласны с Е.С. Кубряковой в том, что изучение художественного текста должно сочетать в себе как собственно лингвистический (в настоящем исследовании корпусный анализ корпусов параллельных текстов – *parallel corpora*), так и культурологический, а также когнитивно-дискурсивный анализ [Там же, с. 134–135]. Художественный текст представляет собой не только эстетически ценный артефакт, он также содержит репрезентацию и интерпретацию опыта человека по познанию окружающего мира [Там же, с. 133]. Реципиент художественного текста вступает в коммуникативный акт с его автором; автор приближает вымышленное пространство художественного текста к реальности, помещая происходящее в тексте в определенные хронотипические условия, описывая поступки героев, заставляя их участвовать в общении друг с другом, свободно выражать эмоции, соответствующие описываемым обстоятельствам [Там же, с. 144–145]. Поскольку это делается при помощи языковых средств, отражением звучащей речи от первого лица, как и в реальной жизни, языковая форма – это не только средство репрезентации, она сама – *language in action* – осуществляемая дискурсивная деятельность, в которой фиксируются существенные характеристики дискурса – ситуативная обусловленность, целенаправленность, внутренняя связь со всеми участниками самого дискурсивного события и их свойствами.

В связи с отложенным характером коммуникации автор художественного текста не может воспользоваться сенсорными средствами, способными вызвать непосредственную ответную реакцию, он вынужден опираться на общие для всех потенциальных коммуникантов априорные знания, которые дают представление о ситуативной обусловленности коммуникации, делая возможным минимальное прогнозирование ее результатов. Главными условиями в этом случае являются необходимость и достаточность языковых средств, позволяющая обеспечить восприятие текста как отражающего взаимодействие людей в определенных условиях, продиктованных

требованиями сюжета, что делает художественный текст воспроизводящим фрагмент дискурса и фиксирующим его целостность. Априорные знания могут быть организованы по типу «тезаурус» для понимания и последующего использования информации, полученной в форме текста. По степени изменения количества элементов тезауруса, связей между этими элементами в каждом конкретном коммуникативном акте можно определить коммуникативное значение [38; 4]. Следовательно, лингвистический анализ, целью которого является определение инвентаря и специфики использования языковых средств, реконструирует, выводит из языковых данных эти знания, раскрывает их содержание и функции.

Для изучения специфики отражения социальных ожиданий и правил «феминности» и «маскулинности» языковыми средствами и выявления их различий, обусловленных инокультурными условиями, был использован корпусный анализ параллельных художественных текстов англоязычных авторов и их переводов на русский язык: два корпуса параллельных текстов включают оригинальные тексты трилогий В. Рот и С. Коллинз и русскоязычные переводные тексты [42–44; 56–58; 16–18; 28–30]. Корпусный анализ проводился с использованием сервиса Sketch Engine [63], позволяющего проведение дистрибутивно-статистического анализа для выявления синтагматических/ парадигматических связей и описания тезауруса на основании совместной встречаемости языковых единиц в исследуемых корпусах [53; 59]. Объективность определения дистрибуции слов и ее количественной меры обеспечивается применением статистической меры $\log\text{Dice}$ [49]. Количественной мерой является коэффициент «distributional similarity scores»; минимальный коэффициент дистрибуционного сходства составляет 0.1.

Результаты

В результате корпусного анализа были получены семантические микрополя, отражающие тезаурусное окружение терминов, обозначающих участников гендерных взаимоотношений: «man, woman,

boy, girl) (корпус на английском языке), «мужчина, женщина, парень, девушка, мальчик, девочка» (корпус на русском языке). Словарные определения лексических единиц, обозначающих участников гендерных взаимоотношений, выделяют следующие атрибуты, представленные в сопоставительных таблицах (Табл. 2–6). Определения, совпадающие в обоих языках, выделены цветным фоном. Определения, специфичные для одного из языков выделены полужирным шрифтом.

Таблица 2.

Словарное определение единиц «мужчина»/ «man»

Man	Мужчина
1. Adult male human being not a woman, boy, or girl. 2. Human being, person. 3. Human race, all mankind. 4. Husband. 5. Male person having the good qualities associated with men. [36]	1. Лицо, противоположное женщине по полу. 2. Такое взрослое лицо, в отличие от мальчика, юноши. [27]
1. An individual human, especially: an adult male human. 2. A man belonging to a particular category. 3. Husband. 4. Lover. 5. A bipedal primate mammal that is anatomically related to the great apes but distinguished especially by notable development of the brain with a resultant capacity for articulate speech and abstract reasoning, and is the sole living representative of the hominid family. 6. One possessing in high degree the qualities considered distinctive of manhood. [64]	1. Лицо, противоположное по полу женщине. 2. Лицо мужского пола как воплощение определённых свойств, качеств. [21]

Семантическая структура термина характеризуется наличием лингвоспецифичных значений, связанных 1) с описанием биологических характеристик, 2) абстрактным понятием, 3) матримониальным статусом, 4) сексуальными отношениями. В семантических структурах английского и русского слов обнаружено совпадение значений, в основании которых находится 1) противопоставление «женщине»/ «девочке», 2) противопоставление «мальчику» по признаку возраста, 3) наличие некоторых качеств, ассоциируемых с маскулинностью.

Таблица 3.

Словарное определение единиц женщина/woman

Woman	Женщина
1. Adult female human being: man, woman and children; a single (unmarried), one with experience of society, not young and innocent. 2. Female sex. 3. Women in general. 4. The state of being. [36]	1. Лицо, противоположное мужчине по полу, так, которая рождает детей и кормит их грудью. 2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения. [27]
1. An adult female person. 2. A woman belonging to a particular category (as by birth, residence, membership, or occupation). 3. Womankind. [64]	1. Лицо противоположное по полу мужчине. 2. Лицо женского пола как воплощение определенных свойств и качеств. 3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. [21]

Семантическая структура слова «woman» носит схожий характер с семантической структурой слова «man», обнаруживая гипонимическое лингвоспецифическое значение, отражающее абстрактное понятие. Семантическая структура единицы «женщина» отличается наличием лингвоспецифической дефиниции, в основании которой лежит матримониальный статус.

Таблица 4.

Словарное определение единиц мальчик/boy

Boy	Мальчик
1. Male child up to the age of 17-18. 2. Male friend who is courting a young woman 3. Son (of any age). 4. Male servant (any age). [36]	1. Ребенок мужского пола. 2. Слуга – подросток в частном доме. [27]
Boy 1. A male child from birth to adulthood. 2. Son. 3. An immature male. 4. Sweetheart. 5. One native to a given place. 7. Fellow, person. [64]	1. Ребёнок, подросток мужского пола. 2. Разг. О мужчине, проявляющем несерьезность, неопытность, легкомысленность в делах. 3. В России до 1917г.: малолетний слуга в господском доме или работник или работник в торговом, ремесленном заведении. [21]

У единицы «boy» присутствует лингвоспецифическое значение, связанное с признаком родства. В то же время, в обоих языках на-

блюдается связь терминов с социальным статусом – «прислуга»; и с характеристикой «незрелость».

Таблица 5.

Словарное определение единиц девочка/girl

Girl	Девочка
1. Female child; daughter; unmarried woman. 2. Maid 3. Girl or woman working in a shop, office, etc (irrespective of age). 4. (colloq) Sweetheart [36]	1. Ребенок женского пола. [27]
1 A female child from birth to adulthood. 2. Daughter. 3. A young unmarried woman. 4. Sometimes offensive: a single or married woman of any age. 5. Sweetheart. 6. (often offensive): A female servant or employee. [64]	1. Ребенок или подросток женского пола // об очень молодой, юной, неопытной девушке. [21]

У единицы «girl» присутствует лингвоспецифическое значение, в том числе и значение, имеющее отрицательную коннотацию, связанное с социальным статусом – «прислуга».

Таблица 6.

Словарное определение единиц парень, девушка

Парень	Девушка
1. (разг.) Юноша, молодой человек. 2. (прост.) Вообще человек, мужчина. [27]	1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности. 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак. 3. (устар.) Молодая служанка, горничная в барских домах. 4. (разг.) Обращение к молодой женщине. [27]
1. Лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке; молодой человек, юноша. 2. (разг.) Нестарый мужчина вообще. [21]	1. Лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке. 2. (разг.) Форма обращения к молодой женщине. 3. (устар.) Служанка, горничная. [21]

Семантическая структура единиц «парень», «девушка» отражает наличие признаков возраста, половой зрелости и социального статуса.

Таблицы 7 и 8 отражают взаимную дистрибуцию единиц, обозначающих участников гендерных взаимоотношений в корпусах английских и русских текстов. Единицы, выделенные цветным фоном, являются главными в кластерах (Табл. 7–8).

Таблица 7.

**Коэффициент дистрибуционного сходства единиц
в корпусе художественных текстов на английском языке**

Man (Частота употребления в корпусе 303)	Первый уровень кластеризации		Второй уровень кластеризации	
	woman	0.401		
			girl	0.354
			boy	0.352
	mother	0.192		
	child	0.176		
Woman (Частота употребления в корпусе 243)				
	man	0.401		
			girl	0.327
			boy	0.309
	child	0.2		
			house	0.113
	someone	0.152		
			mother	0.133
Boy (Частота употребления в корпусе 224)				
	girl	0.362		
			man	0.352
			woman	0.309
	father	0.262		
			mother	0.211
	brother	0.153		
Girl (Частота употребления в корпусе 335)				
	boy	0.362		
			man	0.354
			woman	0.327
	mother	0.2		
			father	0.173
	brother	0.179		
			sister	0.125
	child	0.152		
			parent	0.111

Таблица 8.

**Коэффициент дистрибуционного сходства единиц
 в корпусе художественных текстов на русском языке**

Мужчина (Частота употребления в корпусе 106)	Первый уровень кластеризации		Второй уровень кластеризации	
		женщина	0.298	
			парень	0.256
			девушка	0.196
			отец	0.059
	ребенок	0.131		
Женщина (Частота употребления в корпусе 202)				
	мужчина	0.298		
			девушка	0.262
			парень	0.202
	отец	0.211		
	алый	0.188		
			брат	0.186
			мать	0.13
	ребенок	0.141		
Девочка (Частота употребления в корпусе 91)				
	птичка	0.285		
			ребенок	0.138

В корпусе текстов на русском языке единицы «парень», «девушка» собственных кластеров не образуют.

Комбинаторность языковых единиц, обозначающих участников гендерного взаимодействия, представлена в сравнительных таблицах (Табл. 9–12). Выделение цветом характеризует принадлежность определений и глаголов, выполняющих функцию предиката, к определенной единице, обозначающей участников гендерного взаимодействия.

Таблица 9.

**Комбинаторность единиц “man/woman” «мужчина/женщина»,
 обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Modifiers of “man/woman” «мужчина/женщина» (adjectives)			
	Tall	Немолодой	
	Gray-clothed	Тщедушный	
	Brave	Бородатый	

Окончание табл. 9.

	Important	Неузнаваемый	
Man	Big	Низкорослый	
	Young	Безликий	
	Small	Широкоплечий	
	Dauntless	Взрослый	
	Factionless	Темнокожий	Мужчина
	Erudite	Старый	
	Old	Красивый	
	Blond	Молодой	
	Middle-aged	Бесстрашный	
Woman	Hysterical	Пожилой	
	Dark-skinned	Привлекательный	Женщина
	Short	Неизвестный	
	Severe-looking	Смелый	
	Red-haired	Седоволосый	
		Бесстрашной	
		Темнокожую	
		Безоружный	
		Рыжеволосый	
		Невысокий	

Таблица 10.

**Комбинаторность единиц “boy/girl” «парень/девушка»,
обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Modifiers of “boy/girl” «парень/девушка» (adjectives)			
	Repentant	Здоровенный	
	Shaggy-haired	Чокнутый	
Boy	Gangly	Славный	
	Tall	Звероподобный	
	Young	Заботливый	
Girl	Little	Трусливый	
	Twelve-year-old	Плотный	
	Mousy-haired	Приятный	
	Pretty	Невысокий	
	Silly	Высокий	Парень
	Foolish	Молодой	
	Fox-faced	Красивый	
	redheaded	Рослый	Девушка
		Широкоплечий	

Окончание табл. 10.

		Безгласая	
		Несчастный	
		Чужой	
		Рыжеволосый	

Определения к единицам “man/woman”, соответствующие признакам «внешность» и «характер», относительно равномерно распределены между обеими единицами. В текстах на русском языке преобладают определения, соответствующие признаку «внешность».

В таблицах 11–12 можно наблюдать проявление дидактического характера текстов жанра «young adult»: количество глаголов, выполняющих функцию предиката, у единиц “boy/girl” «парень/девушка» гораздо выше, чем у единиц “man/woman”, «мужчина/женщина». Количество глаголов, выполняющих функцию предиката, связанных с единицами “woman”, «женщина», “girl”, «девушка» значительно меньше, чем количество глаголов, связанных с единицами “man”, «мужчина», “boy”, «парень», несмотря на то, что женские персонажи являются главными во всех анализируемых текстах (Табл. 11–12).

Таблица 11.

**Комбинаторность единиц “man/woman” «мужчина/женщина»,
 обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Verbs as subjects of “man/woman” «мужчина/женщина»			
	Wear	Обводить	
	Walk	Ослабиться	
	Look	Копаться	
Man	Do	Избивать	
	Have	Сесть	
	Stand	Натыкаться	
	Say	Разместиться	
	Hold	Залезать	
	Be	Переглядываться	
	Sit	Недоумевать	
Woman	Get	Ворчать	
	Come	Выходить	Мужчина

Окончание табл. 11.

	Call	Сидеть	
	Point	Стоить	
	Sell	Присутствовать	Женщина
		Отвечать	
		появляться	

Таблица 12.

**Комбинаторность единиц “boy/girl” «парень/девушка»,
обозначающих участников гендерного взаимодействия**

Verbs as subjects of “boy/girl” «парень/девушка»			
	Wrench	Оставить	
	Lunge	Подарить	
	Stump	Оседать	
	Risk	Поджигать	
	Die	Соврать	
	Glance	Крутить	
	Jump	Освободить	
	Win	Вваливаться	
	Lean	Втирать	
	Hold	Откидывать	
	Throw	Выдыхать	
	Shout	Скакать	
Boy	Reply	Замечать	Парень
	Try	Улыбнуться	Девушка
Girl	Defy	Обдумывать	
	Flee	Уронить	
	Prod	Подбираться	
	Intertwine	Встрепенуться	
	Sneer	Подтыкать	
	Ask	Подвернуть	
	Live	Кивать	
	Grab	Появляться	
	Carry	Толкать	
	Talk	Кричать	
	Save	Шагать	

Глаголы, связанные с единицами “man”, «мужчина», “boy”, «парень», преимущественно означают активные действия, тогда как глаголы, связанные с единицами “woman”, «женщина», “girl”, «девушка»

обозначают состояния, речевую деятельность. Количество глаголов, связанных с единицами «женщина», «девушка» значительно меньше, чем количество глаголов, связанных с единицами «мужчина», «парень».

Выводы

Распространенность и семантическое содержание инвентаря единиц, обозначающих участников гендерных взаимодействий, в русском языке указывает на более сложную по сравнению с английским языком систему гендерных отношений, включающую дифференциацию участников по комбинированному социо-физиологическому признаку: половое созревание, вступление в брачные отношения, определенный социальный статус (занятие) (Табл. 13).

Таблица 13.

Социо-физиологические характеристики лексических единиц, обозначающих участников гендерных отношений

Английские языковые единицы	Социо-физиологическая характеристика	Русские языковые единицы
Man		Мужчина
+	Половое созревание	+
+	Вступление в брачные отношения	+
+	Социальный статус (занятие)	+
Woman		Женщина
+	Половое созревание	+
+	Вступление в брачные отношения	+
+	Социальный статус (занятие)	+
Парень+	Половое созревание	
+/-	Вступление в брачные отношения	
- (по отношению к «мужчина»)/+ (по отношению к «мальчик»)	Социальный статус (занятие)	
Девушка+	Половое созревание	
+/-	Вступление в брачные отношения	

Окончание табл. 13.

- (по отношению к «женщина»)- (по отношению к «девочка»)	Социальный статус (занятие)	
Мальчик-	Половое созревание	Boy+/-
-	Вступление в брачные отношения	+/-
-	Социальный статус (занятие)	Низкий
Девочка-	Половое созревание	Girl+/-
-	Вступление в брачные отношения	+/-
-	Социальный статус (занятие)	Низкий

Так для русского языка обозначения участников гендерных отношений и их иерархии подразделяются на основании соответствия/несоответствия определенным критериям и составляют многоуровневую систему. В английском языке значимым для обозначения участника гендерных отношений и определения положения в иерархии является признак возраста [45; 41]. Специфика отражения социальных ожиданий и правил «феминности» и «маскулинности» языковыми средствами английского и русского языков в художественных произведениях, предназначенных для целевой аудитории, обозначаемой «young adult», нашла выражение 1) в количестве способов обозначения участников гендерных отношений соответственно социальной иерархии, 2) в появлении производных единиц – вариантов обозначения участников гендерных отношений в соответствии с их отдельными признаками и количестве семантических связей между этими единицами в тезаурусах; 3) в комбинаторности этих единиц. Это отражает три вида социальных взаимодействий:

- *Характер иерархии социальных ролей.* Иерархия, отраженная в английских текстах, носит более демократичный характер, поскольку тезаурусы участников, имеющих высокий социальный статус, включают в себя не только производную единицу «child», представляющую собой гипероним по отношению к терминам «boy» и «girl», но и прямые обозначения

этих участников гендерных отношений. В текстах на русском языке прямые обозначения участников гендерных отношений, характеризующихся низким социальным статусом, отсутствуют. Кроме того, в текстах корпуса на русском языке у единиц, обозначающих женские персонажи, преобладают определения, связанные с признаком «внешность». Глаголы, выполняющие функцию предикатов, связанные с единицами, обозначающими мужские персонажи, чаще обозначают действия, связанные с физической активностью.

- *Вовлеченность во взаимодействие с детьми.* В текстах на английском языке проявляется более высокая степень вовлеченности мужчин во взаимодействие с детьми, выраженное большим количеством производных единиц, связанных с воспитанием детей, и использованием прямых обозначений участников гендерных отношений низкого социального статуса. В текстах на русском языке отражена более низкая степень вовлеченности мужчин, что выражается отсутствием вышеупомянутых единиц: так единица «отец» присутствует в тезаурусе единицы «мужчина» только на втором уровне семантических связей и опосредованно через единицу «женщина», тогда как тезаурус единицы «женщина» включает в себя больше производных единиц, связанных с воспитанием детей и семейными отношениями.
- *Вовлечение в бытовой труд.* В текстах на обоих языках не наблюдается высокой степени вовлеченности участников гендерных отношений, обозначаемых как «мужчина»/«man», в бытовой труд, что находит выражение в отсутствии в тезаурусе единиц, обозначающих понятия, относящиеся к этой сфере деятельности.

Проведенный анализ параллельных текстов подтверждается данными современных социологических исследований: гендерные правила и ожидания в российском обществе характеризуются большей консервативностью по сравнению с масштабами, темпами и глубиной изменений гендерных установок в западном обществе.

Несмотря на то, что общественные установки «мужского» и «женского» в российском обществе теряют категоричность, в результате чего намечается выравнивание положения прав и возможностей «как в публичной сфере (политика, образование, профессии, культурная жизнь), так и в приватной (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей и т. д.)» [10, с. 149; 33], в основании гендерных установок в российском обществе сохраняется традиционный образ «настоящего мужчины», утверждается его право властвовать над более слабыми и зависимыми, о чем говорил И.С. Кон, писавший о «кризисе маскулинности» в современном обществе [19, с. 37]. В западном обществе неравенство гендерных отношений также сохраняется, хотя в меньшей степени [45; 48; 50]. Такое неравенство проявляется в социальных установках и ожиданиях, отражающих характер иерархии между участниками гендерного взаимодействия, степень вовлеченности мужчин во взаимодействие с детьми и в бытовой труд [25; 21; 9]. И.А. Левенских отмечает, что в общественном сознании русскоязычных информантов существуют ожидания, согласно которым такие области как уход за ребенком, ведение домашнего хозяйства предписаны женщине, тогда как принятие ответственных решений и материальное обеспечение относится к сфере мужского труда. Ю.С. Задворнова отмечает, что современный стандарт гендерных отношений в российском обществе сохраняет «двойную женскую занятость» как норму, поскольку 88 % респондентов в ее исследовании выразили удовлетворенность разделением домашних обязанностей. Это отражает еще одно правило вовлеченности в бытовой труд, при котором мужское участие в домашней работе воспринимается как «помощь», а женское – как «необходимость» [25, с. 351; 9, с. 38–39]. В российском обществе участие мужчины в воспитании детей носит опосредованный характер и сводится к роли обеспечивающего материальный достаток, что приводит к оторванности мужчины от семейной сферы [9, с. 39–40].

Таким образом, особенности гендерных отношений, общественные установки «маскулинности» и «феминности» находят свое отражение даже в переводных параллельных текстах. Перевод-

чки, стараясь сохранить сюжетную линию, состав персонажей и их поведение в хронотипических условиях текста, тем не менее, используют языковые и оценочные категории, выраженные средствами переводящего языка, настроенные на отражение картины мира своего языкового сообщества. Они выступают как знания, обеспечивающие членам данного языкового коллектива возможность понимания, в том числе, и в случаях отложенной коммуникации – восприятия художественного текста.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке / Гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
2. Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации. М.: ИЯз РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 25–37.
3. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
4. Бонгард М.М. Проблема узнавания М.: Изд-во «Наука», 1967. 320 с.
5. Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2-х т. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006.
6. Воронцов Д.В. Гендерная психология общения. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 208 с.
7. Голами Х., Искандари М. Связь культуры и художественных текстов // Молодой ученый. 2014. №8. С. 776-778. URL:<https://moluch.ru/archive/67/11169> (дата обращения: 12.02.2018).
8. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст / Отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки слав. культуры, 2005. С. 34–55.
9. Задворнова Ю.С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 32–40.

10. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера: феминистская теория // Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. С. 147–173.
11. Кибрик А.А., Подлесская В.И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования. Вып. 1 / Под ред. В.Д. Соловьева. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 138–158.
12. Кирилина А.В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С. 21–27.
13. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.
14. Кирилина А.В. Категория gender в языкознании // Женщина в российском обществе. 1997. № 2. С. 15–20.
15. Кириллина А.В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 252 с.
16. Коллинз С. Голодные игры. И вспыхнет пламя. М.: «АСТ», 2014а. 414 с.
17. Коллинз С. Голодные игры. М.: «АСТ», 2014b. 382 с.
18. Коллинз С. Голодные игры. Сойка – пересмешница. М.: «АСТ», 2014 с. 415 с.
19. Кон И.С. Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. Т. 94. № 2. С. 37–43.
20. Котлова Т.Б., Рябова Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. 2001. № 3-4. С. 25–38.
21. Кравченко Ж.В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 1. С. 65–85.
22. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: ЯСК, 2005. 223 с.
23. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. Языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
24. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.

25. Левенских И.А. Рольевые позиции отца в современной семье // Вестник Омского ун-та. 2012. № 1. С. 349–353.
26. Малыгина А.В. Гендерные реализации как тексты культуры (на примере моды середины XX– начала XXI вв.): автореф. дис. ... к-та фило-соф. наук: 24.00.01 «Теория и история культуры». М., 2008. 24 с.
27. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и образо-вание, Оникс, 2011. 1376 с.
28. Рот В. Дивергент. М.: «Эксмо», 2015а. 414 с.
29. Рот В. Инсургент. М.: «Эксмо», 2015b. 446 с.
30. Рот В. Эллигент. М.: «Эксмо», 2015с. 284 с.
31. Смольникова Ю.В., Штыгашева О.Г. Эволюция жанра антиутопии // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по мат. XXXIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4(32). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(32\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(32).pdf) (дата обра-щения: 22.09.2017).
32. Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. М.: Флинта, Наука, 2004. 304 с.
33. Хасбулатова О.А. Гендерные стереотипы в политической культуре: Специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. 2001а. № 3-4. С. 17–24.
34. Хасбулатова О.А. Гендерным исследованиям в системе высшего об-разования России – десять лет // Женщина в российском обществе. 2001b. № 1-2. С. 2–14.
35. Хачмарова З.Р. Женский художественный дискурс в аспекте ког-нитивной лингвистики // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 1(23). С. 200–202.
36. Хорнби А.С. Толковый словарь английского языка. Оксфорд: Окс-форд Университи Пресс, 1995. 1430 с.
37. Шишкина С.Г. К вопросу об особенностях литературных жанров социальной прогностики: утопия – антиутопия – научная фанта-стика. Век XXI. URL:<https://www.isuct.ru/epubl/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2012/vgf-2012-05-23.pdf> (дата обращения 29.03.2016).
38. Шрейдер Ю.А. Об одной модели семантической теории информа-ции // Проблемы кибернетики. М.: Наука, 1965. С. 233–240.

39. Bucher K.T., Hinton K.M. *Young Adult Literature: Exploration, Evaluation, and Appreciation*. London: Pearson, 2013. 416 p.
40. Cadden M. The irony of narration in the young adult novel // *Children's Literature Association Quarterly*. 2000. 25 (3). P. 146–154.
41. Carnaghi A., Piccoli V., Brambilla M., Bianchi M. Gender hierarchy in the space: the role of gender status in shaping the spatial agency bias // *Journal of Social Psychology*. 2014. 154 (2). P. 105–114.
42. Collins S. *Mockingjay*. Detroit: Thorndike Press/GALE, 2012. 503 p.
43. Collins S. *The Catching Fire*. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Authority, Library, 2018. 486 p.
44. Collins S. *The Hunger Games*. Gosford: Scholastic Australia, 2016. 483 p.
45. Conway M., Pizzamiglio M.T., Mount L. Status, communality, and agency: Implications for stereotypes of gender and other groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. 71 (1). P. 25–38.
46. Donahue D. “New Adult” is growing up and finding its way. 2013. URL: <https://libproxy.highpoint.edu> (дата обращения: 25.03.2018).
47. Erikson E.H. *Childhood and Society*. London: Penguin, 1975. 400 с.
48. Fox M.F. Gender, Hierarchy, and Science. // *Handbook of the Sociology of Gender* / ed. by J. Saltzman Chafetz. 2006. P. 441–457.
49. Kilgariff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine // *Proceedings of Euralex*. 2004. P. 105-116.
50. Koch A.J., D’Mello S.D., Sackett P.R. A meta-analysis of gender stereotypes and bias in experimental simulations of employment decision making // *Journal of Applied Psychology*. 2015. 100 (1). P. 128–161.
51. Koss M.D., Teale W.H. What’s Happening in YA Literature? Trends in Books for Adolescents // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2009. Vol. 52. No. 7. P. 563–572.
52. Levinson D. A conception of adult development // *American Psychologist*. 1986. 41 (1). P. 3–13.
53. Levy O., Goldberg Y., Ramat-Gan I. Linguistic regularities in sparse and explicit word representations // *Proceedings of the Eighteenth Conference on Computational Language Learning*. 2014. P. 171–180.
54. Naughton J. *New Adult: A Book Category for Twentysomethings* by Twentysomethings. 2014. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/>

- by-topic/industry-news/publisher-news/article/63285-new-adult-matures.html (дата обращения: 21.09.2018).
55. Ross-Gordon J.M., Rose A.D., Kasworm C.E. Foundations of Adult Development and Learning John Wiley & Sons, 2016. 432 p.
56. Roth V. Allegiant. London: Harper Collins Children's Books, 2016a. 526 p.
57. Roth V. Divergent. London: HarperCollins Publishers, 2016b. 487p.
58. Roth V. Insurgent. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Education Authority, Library, 2017. 485 p.
59. Rychlý P., Kilgarriff A. An efficient algorithm for building a distributional thesaurus (and other sketch engine developments) // Proceedings of the 45th annual meeting of the ACL on interactive poster and demonstration sessions, Association for Computational Linguistics. 2007. P. 41–44.
60. Sarnier L. The Problem with New Adult Books. URL: https://www.huffingtonpost.com/lauren-sarnier/the-problem-with-new-adul_b_3755165.html. 2013-08-14 (дата обращения: 19.05.2018).
61. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (дата обращения: 20.01.2018).
62. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/young-adult> (дата обращения: 15.04.2018).
63. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 05.12.2018).
64. Webster's New World College Dictionary, 4th Edition. NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2010. 1734 p.
65. Wetta M. What is New Adult Fiction, Anyway? URL: <https://www.ebscohost.com> (дата обращения: 25.01.2019).

References

1. Boldyrev N.N. Konceptual'naya osnova yazyka [Conceptual Basis of the Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Konceptualizaciya mira v yazyke* [Cognitive studies of language. Vol. IV. Conceptualization of the world in the language]. M.: IYaz RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2009. P. 25–77.
2. Boldyrev N.N. Ocnocnyye kategorii kak format znaniya [Evaluation Categories as Knowledge Format]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. III. Tipy znaniy i problema ih klassifikacii* [Cognitive language studies. Vol. III. Types of knowledge and the problem of

- their classification]. M.: IYaz RAN; Tambov: Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2008. P. 25–37.
3. Boldyrev N.N. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic Categories as a Format of Knowledge]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006. № 2. P. 5–22.
 4. Bongard M.M. *Problema uznvaniya* [The Problem of Recognition]. M.: Izd-vo «Nauka», 1967. 320 p.
 5. Velichkovski B.M. *Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya* [Cognitive Science: Fundamentals of the Psychology of Cognition]: v 2 t. M.: Smysl: Izd. centr «Akademiya», 2006.
 6. Voroncov D.V. *Gendernaya psihologiya obshcheniya* [Gender Psychology of Communication]. Rostov n/D: Izd-vo YUFU, 2008. 208 p.
 7. Golami H., Iskandari M. Svyaz' kul'tury i hudozhestvennykh tekstov [The Relation of Culture and Literary Texts]. *Molodoi ucheny*. 2014. № 8. P. 776–778. URL:<https://moluch.ru/archive/67/11169/> (accessed: 12.02.2018).
 8. Dem'yankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenogo yazyka [Text and Discourse as Terms and as Layman Language Words]. *Yazyk. Lichnost'. Tekst* [Language. Personality. Text]. M.: Yazyki slav. kul'tur, 2005. P. 34–55.
 9. Zadornova Yu.S. Tendencii transformacii gendernykh rolej v sovremennoj rossijskoj sem'e [Tendencies of Transformation of Gender Roles in Modern Russian Family]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*. 2013. № 2. P. 32–40.
 10. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Social'noe konstruirovanie gendera: feministskaya teoriya [Social Construction of the Gender: Feminist Theory]. Vvedenie v gendernye issledovaniya [Introduction to gender studies]. SPb.: Aletejya, 2001. P. 147–173.
 11. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. Problema segmentacii ustnogo diskursa i kognitivnaya sistema govoryashchego [Segmentation of Spoken Discourse and the Speaker's Cognitive System]. *Kognitivnye issledovaniya. Vyp. 1* [Cognitive Studies. Vol. 1] / Ed. V.D. Solovyov. M.: Institut psihologii RAN, 2006. P. 138–158.

12. Kirilina A.V. «Muzhestvennost'» i «zhenstvennost'» s tochki zreniya lingvista [Masculinity and Femininity from the Linguistic Viewpoint]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 1998. № 2. P. 21–27.
13. Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic Aspects], 1999. 155 p.
14. Kirilina A.V. Kategoriya gender v yazykoznanii [Category of Gender in Linguistics]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 1997. № 2. P. 15–20.
15. Kirilina A.V. *Gendernye issledovaniya v lingvistike i teorii kommunikacii* [Gender Studies in Linguistics and Communication Theory]. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN), 2004. 252 p.
16. Kollinz S. *Golodnye igry. I vspyhnet plamya* [The Catching Fire]. M.: «AST», 2014. 414 p.
17. Kollinz S. *Golodnye igry* [The Hunger Games]. M.: «AST», 2014. 382 p.
18. Kollinz S. *Golodnye igry. Sojka-peresmeshnica* [The Mockingjay]. M.: «AST», 2014. 415 p.
19. Kon I.S. Muzhskaya rol' i gendernyj poryadok [The Role of the Man and Gender Order]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: Dannye. Analiz. Diskussii*. 2008. T. 94. № 2. P. 37–43.
20. Kotlova T.B., Ryabova T.B. Bibliograficheskij obzor issledovanij po problemam gendernyh stereotipov [Bibliographic Survey in Gender Stereotype Research]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2001. № 3-4. P. 25–38.
21. Kravchenko Zh.V. Muzhchiny v zabote o detyah: sravnitel'nyj analiz Rossii, Francii i Norvegii [Man in Child-caring: Comparative Survey in Russia, France and Norway]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2012. T. 15. № 1. P. 65–85.
22. Krejdlin G.E. *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikacii* [Men and Women in Non-verbal Communication]. M.: YASK, 2005. 223 p.
23. Kubryakova E.S. *V poiskah sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Nature of the Language: Cognitive Studies]. In-t. Yazykoznaniya RAN. M.: Znak, 2012. 208 p.

24. Kuznecov S.A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Unabridged Explanatory Dictionary of the Russian Language]. SPb.: Norint, 2000. 1534 p.
25. Levenskih I.A. Rolevye pozicii otca v sovremennoj sem'e [Role Position of the Father in a Contemporary Family]. *Vestnik Omskogo un-ta*, 2012. P. 349–353.
26. Malygina A.V. *Gendernye realizacii kak teksty kul'tury (na primere mody sereдины XX– nachala XXI vv.)* [Gender Realizations as Texts of Culture]. M., 2008. 24 p.
27. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. M.: Mir i Obrazovanie, Oniks, 2011. 1376 p.
28. Roth V. *Divergent* [Divergent]. M.: «Eksmo», 2015a. 414 p.
29. Roth V. *Insurgent* [Insurgent]. M.: «Eksmo», 2015b. 446 p.
30. Roth V. *Elligent* [Allegiant]. M.: «Eksmo», 2015c. 284 p.
31. Smol'nikova Yu.V., Shtygasheva O.G. *Evolyuciya zhanra antiutopii* [The Evolution of the Dystopia Genre]. Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki: ehlekt. sb. st. po mat. XXXIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. Konf, 2016. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4\(32\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/4(32).pdf) (accessed 22.09.2017).
32. *Terminologicheskij slovar'-tezaurus po literaturovedeniyu* [Literary Terms Dictionary]. Ot allegorii do yamba [From allegory to iamba]. M.: Flinta, Nauka, 2004. 304 p.
33. Hasbulatova O.A. Gendernye stereotipy v politicheskoy kul'ture: Specifika rossijskogo opyta [Gender Stereotypes in Political Culture: Specifics of Russian Practice]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2001. № 3-4. P. 17–24.
34. Hasbulatova O.A. Gendernym issledovaniyam v sisteme vysshego obrazovaniya Rossii – desyat' let [Gender Studies in Russian Higher Education System: Ten Years]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2001. № 1-2. P. 2–14.
35. Hachmarova Z.R. Zhenskij hudozhestvennyj diskurs v aspekte kognitivnoj lingvistiki [Female Fiction Discourse in the Focus of Cognitive Linguistics]. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 1(23). P. 200–202.

36. Hornbi A.C. *Tolkovyj slovar' anglijskogo yazyka* [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English]. Oxford: Oxford University Press, 1995. 1430 p.
37. Shishkina S.G. *K voprosu ob osobennostyah literaturnyh zhanrov social'noj prognostiki: utopiya – antiutopiya – nauchnaya fantastika* [To the Question of the Features of the Literary Genres of Social Prognostics: Utopia - Dystopia - Science Fiction]. Vek XXI, 2012. URL:<https://www.isuct.ru/epubl/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2012/vgf-2012-05-23.pdf> (accessed 29.03.2016).
38. Shrejder Yu.A. Ob odnoj modeli semanticheskoy teorii informacii [About One Semantic Theory of Information Model]. *Problemy kibernetiki* [Problems of Cybernetics]. M.: Nauka, 1965. P. 233–240.
39. Bucher K.T., Hinton K.M. *Young Adult Literature: Exploration, Evaluation, and Appreciation*. London: Pearson, 2013. 416 p.
40. Cadden M. The irony of narration in the young adult novel. *Children's Literature Association Quarterly*. 2000. 25 (3). P. 146–154.
41. Carnaghi A., Piccoli V., Brambilla M., Bianchi M. Gender hierarchy in the space: the role of gender status in shaping the spatial agency bias. *Journal of Social Psychology*. 2014. 154 (2). P. 105–114.
42. Collins S. *Mockingjay*. Detroit: Thorndike Press/GALE, 2012. 503 p.
43. Collins S. *The Catching Fire*. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Authority, Library, 2018. 486 p.
44. Collins S. *The Hunger Games*. Gosford: Scholastic Australia, 2016. 483 p.
45. Conway M., Pizzamiglio M.T., Mount L. Status, communality, and agency: Implications for stereotypes of gender and other groups. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. 71 (1). P. 25–38.
46. Donahue D. “New Adult” is growing up and finding its way. 2013. URL: <https://libproxy.highpoint.edu> (accessed 25.03.2018).
47. Erikson E.H. *Childhood and Society*. London: Penguin, 1975. 400 p.
48. Fox M.F. Gender, Hierarchy, and Science. *Handbook of the Sociology of Gender* / ed. by J. Saltzman Chafetz, 2006. P. 441–457.
49. Kilgarriiff A., Rychlý P., Smrž P., Tugwell D. The Sketch Engine. *Proceedings of Euralex*. 2004. P. 105–116.

50. Koch A.J., D’Mello S.D., Sackett P.R. A meta-analysis of gender stereotypes and bias in experimental simulations of employment decision making. *Journal of Applied Psychology*. 2015. 100 (1). P. 128–161.
51. Koss M.D., Teale W.H. What’s Happening in YA Literature? Trends in Books for Adolescents. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2009. Vol. 52. No. 7. P. 563–572.
52. Levinson D. A conception of adult development. *American Psychologist*. 1986. 41 (1). P. 3–13.
53. Levy O., Goldberg Y., Ramat-Gan I. Linguistic regularities in sparse and explicit word representations. Proceedings of the Eighteenth Conference on Computational Language Learning. 2014. P. 171–180.
54. Naughton J. New Adult: A Book Category for Twentysomethings by Twentysomethings. 2014. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/industry-news/publisher-news/article/63285-new-adult-matures.html> (accessed 21.09.2018).
55. Ross-Gordon J.M., Rose A.D., Kasworm C.E. Foundations of Adult Development and Learning John Wiley & Sons, 2016. 432 p.
56. Roth V. Allegiant. London: Harper Collins Children’s Books, 2016a. 526 p.
57. Roth V. Divergent. London: HarperCollins Publishers, 2016b. 487 p.
58. Roth V. Insurgent. Halifax, Nova Scotia: Atlantic Provinces Special Education Authority, Library, 2017. 485 p.
59. Rychlý P., Kilgarriff A. An efficient algorithm for building a distributional thesaurus (and other sketch engine developments). Proceedings of the 45th annual meeting of the ACL on interactive poster and demonstration sessions, Association for Computational Linguistics, 2007. P. 41–44.
60. Sarner L. The Problem with New Adult Books, 2013. URL: https://www.huffingtonpost.com/lauren-sarner/the-problem-with-new-adul_b_3755165.html (accessed 19.05.2018).
61. URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (accessed 20.01.2018).
62. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/young-adult> (accessed 15.04.2018).
63. URL: <https://www.sketchengine.eu> (accessed 05.12.2018).
64. Webster’s New World College Dictionary, 4th Edition. NY: Houghton Mifflin Harcourt, 2010. 1734 p.

65. Wetta M. What is New Adult Fiction, Anyway? URL: <https://www.ebscohost.com> (accessed 25.01.2019).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ненашева Юлия Александровна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «МГТУ им Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
nenajalex@gmail.com

Седярова Ольга Михайловна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «МГТУ им Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
sedliarova.olga2018@yandex.ru

Соловьева Наталья Сергеевна, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка
ФГБОУ ВО «МГТУ им Г.И. Носова»
пр. Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
nisanasol@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nenasheva Iuliia Aleksandrovna, PhD, Associate Professor,
Docent
Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)
38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
nenajalex@gmail.com
SPIN-code: 5482-8994
ORCID: 0000-0002-9474-6457
Researcher ID: C-1444-2018

Sedliarova Olga Mikhajlovna, PhD, Associate Professor, Docent

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

sedliarova.olga2018@yandex.ru

SPIN-code: 1860-7073

ORCID: 0000-0002-5419-7342

Researcher ID: C-1346-2018

Solovyeva Natalya Sergeevna, PhD, Associate Professor, Docent

Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation

nisanasol@yandex.ru

SPIN-code: 2491-1650

ORCID: 0000-0002-3126-1890

Researcher ID: C-1417-2018